

ДВУХУРОВНЕВЫЕ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

А. В. Арапов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2025 г.

Аннотация: двухуровневые теории предполагают существование двух принципиально различных уровней человеческого бытия: поверхностного и глубинного, – которым соответствуют два уровня понимания этого – обыденный и научный. В статье рассмотрены четыре вида двухуровневых теорий. Это теории, в которых в качестве глубинных уровней человеческого бытия рассматриваются неорганический, биологический, психологический и социальный уровни.

Ключевые слова: человеческое бытие, природа, Просвещение, наука, нормативность, вина, происхождение морали, глубинный уровень, травматические переживания, инстинкты.

Abstract: two-level theories assume the existence of two fundamentally different levels of human existence: superficial and deep, which correspond to two levels of understanding this: every day and scientific. In this and the above-mentioned article we have briefly discussed four types of two-level theories. These are theories in which the inorganic level, biological, psychological, and social are considered as the deepest level of human existence.

Key words: human existence, nature, Enlightenment, science, normativity, guilt, origin of morality, deep level, traumatic experiences, instincts.

XX век был веком беспрецедентного технологического прогресса. Но это был также век беспрецедентного разрушения. Фридрих Ницше предсказал, что XX в. станет веком великих войн. Он был прав. Миллионы людей погибли в ходе мировых и гражданских войн. Художники, философы и писатели, потеряв веру – веру в Бога, веру в традиционную мораль, веру в какие-либо ценности вообще, – боролись за то, чтобы найти новые способы мышления и творчества. Поднимаясь из пепла разрушений и разочарований, новые поколения мыслителей и лидеров переосмыслили ценности и создали философские и политические системы, чтобы оправдать и защитить их. Сейчас, в XXI в. невозможно понять себя или мир вокруг, не понимая интеллектуальных и политических революций последних ста лет. Однако, чтобы понять XX в., нам понадобится заглянуть намного дальше, вглубь интеллектуальной истории. Интеллектуальные проблемы, с которыми столкнулся XX в., имеют свои корни в эпохе Просвещения. К началу XVIII в. естественные науки зарекомендовали себя как авторитетные источники знаний о мире. Знаменательным достижением научной революции стала разработка системы универсальных и необходимых законов природы. Кеплер открыл законы движения планет. Галилей открыл законы, управляющие снарядами и падающими телами. Ньютон объяснил эти законы и многие другие, постулировав несколько фундаментальных законов движения. Наука быстро стала мо-

делью для всех человеческих знаний. Вольтер скептически относился ко всему, что находится за пределами науки. Он отстаивал терпимость к убеждениям, которые лежат за пределами науки, поскольку они не могут быть установлены или опровергнуты научными – для него это означало рациональными – средствами. Дени Дидро пошел дальше. Он считал, что наука оправдывает материализм, точку зрения, согласно которой мир состоит исключительно из материи. Поль Гольбах утверждал, что наука обосновала не только материализм, но и атеизм. Из мировоззрения Просвещения исходят две мысли, которые формируют идеи XX в. Эти мысли ни в коем случае не являются неизбежными; даже не все мыслители Просвещения разделяли их. Но они стали достаточно распространенными, чтобы оказать сильное влияние на более поздних мыслителей. Первая заключается в том, что наука дает нам полное описание реальности. Наука является идеалом человеческого познания. Существует то, о чем наука говорит, что оно существует. То, что в принципе познаваемо, может быть познано посредством научного метода. Обратите внимание: это не относительно бесспорная мысль о том, что наука – это путь к знанию; это более спорное утверждение, что наука – единственный путь к знанию. Вторая мысль заключается в том, что мы можем сформулировать всеобъемлющую теорию этики и политики – того, что я как индивидуум должен делать, и того, что мы коллективно должны делать. Более того, мы можем сделать это на основе общей научной модели. Между этими мыслями существует очевид-

ное напряжение. Наука говорит нам о том, что есть и почему это есть, но не о том, чем это должно быть. Существует разрыв между «есть» и «должно быть», между описанием и предписанием, между фактом и ценностью. Это проблема нормативности: как осмыслить нормы – предложения, содержащие слова «должен», «хороший», «плохой», «правильный», «неправильный», «справедливый», «несправедливый», «добродетельный», «порочный». Такие предложения не описывают мир. Они оценивают мир. Что делает нормативные суждения истинными (если вообще что-то их делает истинными)? Как мы можем узнать, что они истинны (если вообще можем)? Наука способна исследовать законы материи, и только законы материи. Если наука – единственный путь к знанию, то мы не можем знать ничего за пределами сферы материи. И если мы не можем знать ничего о каких-либо нематериальных аспектах мира, почему мы

вообще думаем, что они существуют? Самая простая гипотеза заключается в том, что мир полностью материален. Это исключает души. Это исключает Бога. Это, как может показаться, исключает и ценности. Если мир – это не что иное, как масса молекул, движущихся по законам природы, то какой смысл говорить о правильном и неправильном, добре и зле, справедливости и несправедливости? Это было бы похоже на то, как если бы мы смотрели на движение планет и одобряли или осуждали их. Это не имело бы никакого смысла. Последовательное применение этого принципа к человеческому бытию ведет к двухуровневым теориям, предполагающим существование двух принципиально различных уровней человеческого бытия: поверхностного и глубинного, – которым соответствуют два уровня понимания – обыденный и научный. Такую концепцию можно представить в виде следующей таблицы:

Обыденный уровень	Научный уровень
Мы мыслим свободно.	Наше мышление детерминировано чем-то, что мы не осознаем.
Мы делаем свободный выбор.	Наш выбор детерминирован законами природы и общества.
Мы поступаем разумно.	Разумные соображения не более чем рационализации.
Мы поступаем правильно или неправильно.	Морали не существует или она сводится к чему-то еще.
Мы отвечаем за свои поступки.	Поскольку у нас нет свободы, у нас нет и ответственности.

Посмотрим пристальнее на двухуровневые теории. Из чисто физикалистской версии двухуровневой теории – например, из атомной теории материи – не следует ничего политического. В такой версии существуют связи между глубиной и поверхностными уровнями; вот почему поведение микрочастиц или других объектов глубинного уровня в принципе объясняет поведение макрообъектов, т. е. объектов поверхностного уровня. Эту позицию весьма четко выразил Бертран Рассел. «Человек – часть природы, а не что-то ей противоположное. Его мысли и движения следуют тем же законам, что и движения звезд и атомов... Человек тоже частица этого скучного физического мира. Его тело, подобно всей остальной материи, состоит из электронов и протонов, которые, как мы знаем, подчиняются тем же законам, что и электроны и протоны, составляющие животных или растения. Некоторые ученые считают, что физиологию никогда не удастся свести к физике, но их аргументы не очень убедительны – разумнее даже было бы считать их неверными. То, что мы называем «мыслями», зависит, видимо, от организации извилин в мозгу – точно так же, как путешествия зависят от дорог и иных путей сообщения» [1]. При этом никто (по крайней мере, на настоящий момент) не знает и не может манипулировать этими связями в больших масштабах, необходимых для политического действия. Возможно, мы сможем использовать их в небольших масштабах в медицине и фармакологии для

разработки обезболивающих, анестетиков, препаратов, изменяющих настроение, антипсихотиков и т. п. Но из такой версии двухуровневой теории ничего не следует относительно политической и социальной организации общества в целом. Что если бы мы знали базовый уровень и понимали его связи с поверхностным уровнем в большом масштабе? Тогда, возможно, мы могли бы изменить поверхность, манипулируя основанием. Назовем это неогностическим видением. Гностики в древнем мире думали, что обладают тайным знанием, которое является ключом к спасению. Их особое понимание мира и Божественного царства должно было, как они думали, принести им возвращение в Божественную полноту. У неогностиков есть секулярная версия этой точки зрения. Они думают, что обладают особыми знаниями, которые могут привести их в мирской рай, утопию. Неогностики убеждены, что их тайные знания дают ключ к созданию рая на земле. Предположим, вы верите, что обладаете этим тайным знанием и можете править, используя его. Вы один из посвященных – людей, обладающих тайными знаниями. Вы мечтаете сделать общество лучше. Но что делать? Конечно, надо манипулировать основанием, чтобы изменить поверхность. Что могло бы сделать общество лучше? Чтобы ответить на этот вопрос, вам нужно полагаться на нормы. А базовый уровень их не содержит. Таким образом, в основе неогностического взгляда лежит глубокая напряженность. Можно назвать это Пара-

доксом посвященного или парадоксом помазанника. Классическое выражение неогностического видения мы видим в системе Великого Инквизитора из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: немногие, кто знает, правят массами, которые не знают. Лишь немногие понимают связи между явлениями. Они могут манипулировать ими, чтобы принести людям счастье. Посвященные думают, что могут принимать решения и брать на себя ответственность за их принятие. Но что руководит их решениями? Заявленная цель – принести людям счастье. Но парадокс посвященного поднимает голову: видение отрывает посвященного от норм. Это приводит к тому, что некоторые авторы называют герменевтикой подозрения. Герменевтика – искусство интерпретации. Идея герменевтики подозрения состоит в том, чтобы интерпретировать то, что люди говорят и делают, с подозрением, рассматривая их слова и действия как маскировку чего-то другого. Какие же составляющие человеческого бытия мы можем увидеть, подходя к нему со сциентистской точки зрения? Существуют различные формы движения материи. Физическое (включая механическое), химическое, биологическое, психологическое и социальное. Каждый из этих видов движения с его законами можно рассмотреть в качестве глубинного, фундаментального уровня человеческого бытия. Соответственно, мы получим различные виды двухуровневых теорий.

Теории, которые берут за основу физическое и химическое движение, пожалуй, самые старые. Они формируются уже в эпоху Просвещения. Можно вспомнить, например, концепцию «человека-машины» Ламетри. Более зрелый вариант такой теории мы находим у Бертрана Рассела, взгляды которого мы обсуждали выше. Такой подход, апеллирующий к неорганическому уровню человеческого бытия, может показаться наиболее фундаментальным. Однако при внимательном рассмотрении обнаруживается, что он наименее значим в практическом плане.

Другой вид движения – биологический. Человек – живое существо. И от этой точки отталкивается Фридрих Ницше. Витальность и телесность для него – основы человеческого бытия. Они образуют глубинный уровень. Обратимся к его работе «Сумерки идолов».

«Во многих случаях, конечно, “мир души” является просто недоразумением – кое-чем иным, что не умеет только называть себя честнее. “Мир души” может быть, например, мягким излучением богатой животности в область морального (или религиозного). [...] Или бессознательной благодарностью за удачное пищеварение (порою называемой “человеколюбив-

ем”)). Или успокоением выздоравливающего, для которого все вещи приобретают новый вкус и который ждет... Или состоянием, следующим за сильным удовлетворением нашей господствующей страсти, приятным чувством редкой сытости» [2].

В работе «К генеалогии морали» Ницше делает два ключевых утверждения. Во-первых, мы должны оценивать философию только по тому, как она помогает, помогает ли она вам быть более живым. Дело не в том, чтобы она соответствовала реальности. Дело не в том, чтобы она соответствовала миру. Дело в том, что она оживляет, обладает бодрящими возможностями. Во-вторых, прилив сил кому-то может причинить страдания. Страдание одних – это часть процесса оздоровления других. В этой же работе Ницше объясняет возникновение морали через отношения между сильными и слабыми. Ницше утверждает, что в древние времена между добром и злом не было морального различия. Сильные люди говорили: «Я хороший. Люди, которые не похожи на меня, плохие. Я начинаю со слов “Я хороший”, потому что у меня есть и сила и чувство собственного достоинства, основанное на этой силе. Потом я начинаю смотреть на людей, которые отличаются от меня, и говорить им, что они плохие». По словам Ницше, со временем случается так, что слабые видят этих сильных, могущественных и счастливых людей и говорят: «Вот как: они хорошие, а мы плохие». Они спрашивают далее: «Почему я плохой? Ну, я плохой, потому что тот парень наверху хороший. Этот парень сильный. Этот сильный, хороший человек заставляет меня чувствовать себя плохо. Почему мне плохо? Мне плохо, потому что у меня нет того, что есть у этого сильного человека. У меня нет такой силы, такой жизненности, такого могущества. Эта сила и эта жизненность заставляют меня чувствовать себя плохо». Это чувство самоунижения, чувство собственной никчемности. В конце концов, они часто спрашивали: «Кто делает меня слабым? Это аристократы, это сильные люди. Они сильны, они могущественны. Они – зло. То, что заставляет меня чувствовать себя слабым, – это зло». Слабый человек говорит, что все эти сильные люди, все эти «белокурые бестии», те, у кого, кажется, есть всё, – это злые люди. «Почему? Потому что у них есть всё, а у меня нет. Они злые, потому что у них есть всё необходимое, чтобы добиться успеха, доминировать над другими. Это делает их злыми в моих глазах, в моих слабых глазах. Так кто же я? Что ж, если они злые, если я не такой, как они, значит, я добрый». Ницше пытается объяснить, как моральное различие происходит от отрицания силы. То есть, по его мнению, моральное различие заключается в том, что слабые пытаются очернить сильных. Понятия справедливости

и несправедливости люди навязывают жизни, чтобы управлять жизнью. Сами по себе ценности отсутствуют. Ценности – это социальные конструкции, которые мы разрабатываем для управления людьми. Чтобы, по мнению Ницше, сильные не проявили свою силу.

Слабые захватили власть над сильными. Мораль – это всего лишь прикрытие, которое слабые используют для защиты от сильных. Воспринимаем то, что считается естественным порядком. То, что мы считаем данным Богом набором ценностей, на самом деле исторически составлялось для определенных целей контроля. Опять же, для Ницше – контроль над силой, контроль над жизненностью. Он считает, что уничтожение дикости, отнятие сил – это болезнь. Мы должны быть друг для друга как домашние питомцы, одомашненные животные. По мнению Ницше, проблема в том, что, хотя мы и ведём себя как домашние питомцы в нас все еще есть эти желания, животные инстинкты которые готовы взорваться, и им нужно куда-то деться. Ницше утверждает, что все инстинкты, которые не разряжаются вовне, обращаются внутрь человека. Таким образом, развилось то, что мы позже назовем душой. Обращенные внутрь инстинкты разъедают нас, превращая нас в больных, искаженных животных, которые не знают своих сильных сторон. Мораль становится своего рода самоистязанием.

А гарант этого процесса – существо, которое мы называет Богом, – гарантирует нам самоистязание. Это воображаемое существо, к которому мы обращаемся за тем, чтобы наша моральная система обрела якорь. Животные инстинкты неизбежны, и человек переосмысливает наличие у него этих самых животных инстинктов как одну из форм вины перед Богом. Эта мысль становится для него своего рода пыткой. Бог как совершенство – это противоположность нашей собственной животной природе. А наша неспособность на самом деле быть похожими на Бога была использована в качестве палки для того, чтобы бить самих себя. Во сколько обошлось возведение каждого морального идеала на Земле? Мы, современные люди, являемся наследниками тысячелетней практики культивирования чувства вины и самоистязания. Мы – жертвы самоистязаний. Таким образом, Ницше рассматривает мораль как усиление контроля над собой, отрицание инстинктов и жизненности. То, что мы считали идеалами, на самом деле является проявлением нашего самоотречения, отрицания нашей животной природы. Наши идеалы – это симптом нашей психологической болезни, а не основа нашей жизни. Могут ли все-таки произойти перемены? Могут ли люди на самом деле вырваться из этой ситуации? И он отвечает очень двусмысленно. Факти-

чески он говорит: «Не знаю». Возможно, придет некая великая фигура и освободит нас от этой морали. Но он не хочет, хотя бы в общих чертах, описывать процесс перемен на социальном уровне. Он обращается к отдельному человеку и предлагает ему понять, что те идеалы, которым мы поклонялись, на самом деле являются симптомами болезни, самоотречения и самоистязания, от которой мы можем отказаться.

Теперь психологический аспект человеческого бытия. Он в центре внимания Зигмунда Фрейда. Поверхностный уровень образуют эго и суперэго. Эго принимает решения. Эго действует. Суперэго наблюдает за действиями эго. Оно выносит моральные суждения. Это сфера совести. Фрейд считает, что это интернализация родительского авторитета посредством идентификации. Сначала ребенок видит, что эти правила навязываются извне, затем начинает отождествлять себя с родителями и сам начинает навязывать эти правила. Но есть глубинная часть человеческой психики – это «оно», подсознание. Оно – темное. Оно – скрытое. Это источник инстинктивных потребностей и желаний. Это также источник энергии. И он управляется принципом удовольствия. Что это за принцип, о котором так любит говорить Фрейд? Принцип удовольствия просто гласит: «Стремись к удовольствию». И это то, что делает оно. У него есть желания. Оно стремится к их исполнению. Эго действует в соответствии с принципом реальности. Это принцип, который гласит: «Приспосабливайся к внешней реальности. Приспосабливайся к миру. Удовлетворяй его требования». А суперэго руководствуется моралью. Его принцип, в сущности, гласит: «Поступай правильно». Эго должно стремиться соответствовать всем трем ограничениям. Оно должно стараться исполнять желания подсознания. Оно должно соответствовать моральным ограничениям суперэго. Оно должно соответствовать ограничениям окружающего мира. И именно поэтому жизнь так сложна. Очень трудно сбалансировать эти три вещи, чтобы управлять желаниями подсознания, командами суперэго и реалиями внешнего мира. И он проводит очень тщательный анализ различных сновидений, пытаясь показать, как это происходит. Но после Первой мировой войны он начинает лечить пациентов, которые возвращаются с войны с травматическим опытом. Им снятся кошмары. Они переживают то, что мы бы назвали посттравматическим стрессовым расстройством. Он обнаружил, что они часто видят во сне свою травму, заново переживают потерю руки или ноги или переживают то, как их лучший друг был взорван. Это не похоже на исполнение желания. Они не хотели, чтобы такое

случилось с ними или с их друзьями. Они не хотели, чтобы что-то из этого случилось. Они, конечно, не хотели, чтобы это повторилось. Они не хотели испытать это снова. Итак, похоже, что на явном уровне они не хотят испытывать ничего из этого снова. Почему это не обычная история о ночном кошмаре? Потому что он не может найти объяснения на скрытом уровне. Это выражает какое-то другое желание. Какого рода желание? Он не может найти его в рамках своей ранней теории. Поэтому он вынужден изменить свою теорию. Есть несколько вариантов, которые он мог бы рассмотреть. Одна из них заключается в том, что нормальная функция сновидения каким-то образом нарушается – что-то, связанное с травмой, нарушает обычную схему исполнения желаний и искажает содержание. Он мог бы сказать, что просто существует какой-то мешающий фактор, который вызывает это явление. Вторая возможность заключается в том, что некоторые желания сновидца носят мазохистский характер. Возможно, несмотря на свои отрицания, эти люди действительно хотят пережить этот опыт заново. Возможно, они чувствуют себя виноватыми и хотят наказать себя. Третья гипотеза заключается в том, что сон – это отображение желания, чтобы всё сложилось по-другому. С этой точки зрения, сны – это попытка исполнить такое желание. В сновидении разум воспроизводит крайне травмирующий опыт, заново переживает проблему и пытается найти решение – пытается найти выход. Но он не может найти выход. Таким образом, он вновь переживает тот же ужасный опыт.

Однако взгляд Фрейда на подсознание в том варианте его теории, который у него сложился к моменту, когда перед ним встала проблема посттравматических переживаний, затрудняет решение этой проблемы. В этом варианте своей теории он рассматривает подсознание как, по сути, сексуальный феномен. Основные желания подсознания связаны с инфантильными сексуальными фантазиями. Трудно увязать это с посттравматическим стрессовым расстройством, поскольку, похоже, здесь нет никакого сексуального элемента ни на явном, ни на скрытом уровнях. Чтобы объяснить ночные кошмары своих пациентов, Фрейд выдвигает гипотезу, что у нас есть желание, фактически принуждение, повторять определенные виды переживаний. Это сильный дополнительный стимул. Так, в книге «По ту сторону принципа удовольствия» он добавляет, что у нас есть желание повторять наши переживания. Он развивает эту мысль еще дальше. Он говорит, что, как и следовало ожидать, существует желание повторить даже травматический опыт. Именно поэтому у его пациен-

тов возникают ночные кошмары и другие симптомы посттравматического стрессового расстройства. Но почему это не перевешивается нашими желаниями других вещей – нашими желаниями не допустить, чтобы эти вещи происходили с нами или с нашими близкими людьми? Фрейд предполагает, что желание повторить опыт – это стремление к прошлому. Вся органическая материя возникла из неорганической материи. В конечном счете, прошлое – это то, в чем нет жизни. Таким образом, заключает он, желание повторить опыт на самом деле является желанием смерти. У каждого из нас есть инстинктивное желание умереть. Цель всей жизни – смерть, переход в неорганическое состояние. Такой получается парадокс: биологический объект на биологическом же уровне стремится стать не биологическим объектом. Витальность, торжествующая у Ницше, приходит к своему самоотрицанию у Фрейда.

Впрочем, у Фрейда есть пункт, в котором он весьма близок к Ницше. Это крайне негативное отношение к чувству вины, которое рассматривается обоими мыслителями как инструмент подавления. Общество, по словам Фрейда, сталкивается с тем же конфликтом, что и эго. Оно должно соответствовать суперэго – моральному кодексу, который является своего рода стандартом поведения в этом обществе, а затем требованиям внешнего мира. Обществу, так же как и отдельному человеку, трудно это сделать. Счастье требует удовлетворения желаний. Поэтому, если вы просто откажетесь от желаний подсознания, вы не будете счастливы, и люди в обществе не будут счастливы. Людям нужно удовольствие. Они хотят, чтобы их желания были удовлетворены. Но это неизбежно приводит к конфликту с суперэго, с правилами, установленными обществом или навязываемыми отдельным человеком. Это также приводит к конфликту с реальностью, включая желания других людей. Это означает, что мы должны подавлять свои желания. Фрейд говорил об этом механизме внутри человека. Он расширяет свой подход к цивилизации. Цивилизация сама по себе является механизмом подавления и сублимации желаний – выражения их в более приемлемой форме. Итак, общество внедряет способы, механизмы, институты, чтобы попытаться достичь этих целей: подавить и сублимировать желания. Таким образом, цивилизация находится в состоянии войны с подсознанием. Каково главное оружие в этой войне? Чувство вины. Суперэго должно убедить эго обуздать подсознание, обуздать желание. И вина является его основным инструментом. Таким образом, говорит он, цена, которую мы платим за продвижение в цивилизации, – это потеря счастья из-за усиления чувства вины. Это чувство

вины порождает тревогу и страх перед суперэго. И на самом деле, по его словам, цивилизация может быть тем, что делает нас невротиками.

Наконец, теории, в которых в качестве глубинного уровня берутся социальное движение и его законы. Это прежде всего марксизм. Но о марксизме как о двухуровневой теории мы говорили в одной из предыдущих статей [3]. Возможно, еще будем говорить в следующей.

Итак, в этой и упомянутой выше статье мы вкратце обсудили четыре вида двухуровневых теорий. Это теории, согласно которым глубинными уровнями

человеческого бытия выступают неорганический уровень (Ламетри и Рассел), биологический (Ницше), психологический (Фрейд) и социальный (Маркс).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рассел Б.* Во что я верю? URL: http://royallib.com/read/rassel_bertran/vo_chto_ya_veryu.html
2. *Ницше Ф.* Сумерки идолов. URL: <https://nietzsche.ru/works/main-works/idols/>
3. *Арапов А. В.* Проблема детерминизма в социальной онтологии марксизма // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2024. № 3. С. 3–7.

*Воронежский государственный университет
Арапов А. В., доктор философских наук, доцент
E-mail: arpv@mail.ru*

*Voronezh State University
Arapov A. V., Doctor of Science, Associate Professor
E-mail: arpv@mail.ru*